

**Данные к реконструкции балто-
славянского похоронного обряда:
кашуб. *donota* «молоко»
(лексико-семантические параллели балто-
славянского ареала)**

Роландас Крегждис

The article deals with the authenticity of evaluation of ancient Slavic and Baltic religion archetypes. By means of internal reconstruction and typology methods, the work is supplemented by the new analysis of the Kashubian donota »milk« and its possible Baltic and Slavic lexical equivalents: Pruss. dadan »milk«, toponym West Slav. Dadowe. Recently some attempts were undertaken to reinstate the new mythological elements which require verification in-depth, since such innovations are frequently founded only on the researcher's guesses and erroneous elucidation of the linguistic data.

Keywords: Kashubian *donota*, Kashubian rite of the beheaded kite, Prussian departed dead-office, necrocult, Indo-European exequies tradition.

В сборнике фольклорного наследия народностей Польши Оскара Колберга (Kolberg 1965: 371–373) приводится весьма интересная и до сих пор мало изученная лексическая синтагма из кашубской песни *pjic kobělim donotę*, ср.:

Nieszczęślëwo kania, jakże tē jes wołâ / kej jes w lese na drzewe sidza? / A mē do dom kanie gnale / e cę zlapale. / Pjic, piijc! / Dame mē ci pjic – psim gnotę / Kobělim donotę / Worczekę wēgrzebojce; / Teŵo sę zli lędze spodzewojce, / A do mnie blēži ne przestąpojce.

Это словосочетание Александр Гура (1997: 550) переводит, правда, указав вопросительный знак, как «кобылий помёт», ср.:

Несчастный коршун, как же ты кричал, когда в лесу на дереве сидел? А мы домой коршуна гнали и тебя, коршун, поймали. „Пить, пить!“ Дадим же мы тебе пить – собачьих мослов, кобыльего помёта (?), ключом невода (орczykiem?) выгребайте. Вот чего, люди, ожидайте, а ко мне ближе не подступайте.

Казуистичность такой смысловой трактовки указанного кашубского словосочетания – питьё помёта вряд ли представляется возможным – является довольно веской причиной для проведения лингвистического анализа второго составляющего синтагмы, которое отсутствует в этимологических сводах этого

западнославянского языка (см. Boryś, Popowska-Taborska 1997: 49-50; Sychta 1967: 230-231)¹.

К сожалению, А. Гура не представил грамматического анализа составляющих данной синтагмы, который является весьма важным для толкования данного фольклорного отрывка этой западославянской народности, т.е. кашубов (см. дальше). Основываясь на результатах которого, можно выявить и некоторые смысловые (и весьма важные) оттенки лексем, которые упустил автор выше приведенного перевода.

Смысл обряда *изгнания/обезглавливания коршуна*, которому и посвящена данная песня кашубов, по мнению специалистов по славянскому фольклору, сводится к древнейшей традиции оберега, т.е. по словам С. Килимникова (см. Гура 1997: 543), в его исполнении люди видели возможность избежания смерти. По утверждению А. Гуры (1997: 542-545), славяне к образу коршуна, как и вороны, относились весьма пренебрежительно, как к символам нечистоты и зла (видимо, по причине хтонической колористики, т.е. черного оттенка птиц), а раньше – и смерти. Во время этого обряда, люди собирались в общины для проведения специальных сакральных действий, направленных против ненастий: женщины пели песни, а мужчины вместе с охотниками ловили ворон или коршунов, после чего их умерщвляли: туши птиц прикрепляли к палкам и, махая ими, направлялись к хуторам. В это время женщины пытались отобрать птиц у охотников силой или выменять их на водку. После этого птиц сжигали, а мужчины в лесу проводили специальный обряд похорон коршуна. Кашубы же, умерщвленную птицу садили на кол, вальком выкапывали яму и в ней хоронили отрубленную голову коршуна.

Всё же, наиболее важным и архаичным сюжетом, видимо, соотносимым с мифологическим пластом, представляет собой упоминание питья кобыльего молока, что, вне всякого сомнения, определяет соотношение данного обряда с funerальной традиции И-Е племён. Делать такую предпосылку можно, основываясь на идентичной обрядовой традиции западно-балтийских племён, упоминаемой во вставке Вульфстана *Хроники*² Павла Орозия, в которой Вульфстан (до сих пор не установлено, был ли он викинг нормандец или англосакс, путешественник или купец [подробнее см. (и литер.) SRP I: 732; Топоров 1990: 12]) делится своими впечатлениями, полученными во время путешествия из *Hydaby* (*Haddeby* = др.сакс. *Hæth/Hæthe* = *Schleswig* [Bosworth [Hampson] 1859: 60]) в *Truso* (*Drausen* = *Dirchsau* [Bosworth [Hampson] 1859: 61]) (Восточная Пруссия) – он рассказывает, что эстии (как предполагается, племена западных балтийцев, т.е. пруссы) во время похоронного обряда пьют кобылье молоко, ср.

and se cyning and þa ricostan men drincað myran meolc, and þa unspedigán and þa þeðwan drincað medo (SRP I: 733),

т.е.

¹ За представленную информацию по этим источникам выражаю благодарность др. Маугожате Острувке (dr. Małgorzata Ostrówka [Instytut slawistyki polskiej akademii nauk]).

² Рассказ Вульфстана представлен в труде пресвитера св. Августина, испанца Павла Орозия (*Paulus Orosius* – о нём подробнее см. FLR 746; Bosworth 1859: 10-17) *Historiae adversum paganos*, перевод которого с латыни на древнеанглийский язык был осуществлён в конце IX в. – в начале X в. королём Англии Альфредом Великим (LTE XII: 402).

и вождь, и самые богатые мужчины пьют кобылье молоко, а бедняки и рабы пьют мёд.

Употребление кобыльего молока во время похоронного обряда могло означать стремление установить медиаторную связь между сферами хтонической (куда отправляется душа умершего) и уранистической, так как сакральный образ лошади совокупляет эти две локализации (ср. мифологические мотивы: [1] германцев – погибшие воины в потусторонний мир отправляются верхом на скакунах [см. Тодд 2005: 46; Kempniński 2003: 219] ↔ представление балтийцев о том, что хтоническое божество скачет на лошади [см. Dundulienė 1963: 182]; [2] лошадь – мифологический прообраз солярного божества балтийских племён, древних индийцев и иранцев [см. RV. VIII: 61.16 – подробнее см. MacDonell 1897: 31; Ghirshman 1964: 350; BU. II: 5.19 – см. Иванов 1989: 81; Vėlius 1977: 174]), т.е. приобрести нужные физиологические свойства, необходимые для проведения погребального обряда и желание соискать благосклонность богов и умершего (ср. древнегреческий мотив о кормлении душ усопших молоком и мёдом [подробнее см. Тахо-Годи, Лосев 1999: 588]). В этом сакральном действии можно усмотреть рудименты тотемизма, сущность которого объясняется поеданием плоти и питьём крови жертвы. В этом заключалось представление о возможном приобретении тех сил и способностей съеденного, которыми он владел при жизни (подробнее см. Frazer 1925: 469), т.е. выпив кобылье молоко, участник funerального обряда мог быть в процессе коммуникации не только с умершим, но и с божеством (в том числе и лошадином, ср. функции литовского бога *Chaurirari* ↔ *Kaukarius* «бог возвышенностей» < **Kaukarinis* «бог лошадиный» – эпитет бога хтонической сферы *Velinas* [подробнее см. Kregždys 2010_a: 71]), в чём распоряжении находился мир потусторонний (ср. обычай хеттов закалывать быка [животного хтонической сферы, ср. типологическое соответствие – череп быка являлся атрибутом хтонического божества пруссов Патолса (BRMŠ II: 347)] и произносить заклинание [как часть похоронного обряда] после смерти короля: „Как(им) ты стал, так(им) пусть станет и этот (бык), и душу свою отпусти вниз к этому быку“ [см. Иванов 1990: 7]; ещё ср. возможные реминисценции поедания конины и питья кобыльего молока, рефлексии которых представлены в фольклоре восточных славян: в русской сказке про Ивана Дурачка рассказывается, что после того, как он влез в ухо коня Сивки-бурки и там досыта наелся и напился, он приобрёл внешность ясного молодца [см. Афанасьев II: 7–9, 11 (сказка № 182), 12–17 (сказка № 183), III: 273 (сказка № 564), 305 (сказка № 571); ещё см. Топоров 2000: 177], т.е. он наделяется волшебными свойствами [!!!]). Соотношение этого фольклорного мотива с похоронным обрядом можно аргументировать типологическими соответствиями – в русских сказках утверждается, что умершего можно воскресить не только с помощью живой воды, но и кровью только что на свет произведенного телёнка³. Чудесные свойства приписываются также молоку волчицы, львицы, медведицы и кобылы⁴ (Плетнёва 1978: 391; подробнее см. Kregždys 2012).

³ Ср. „У богатого мужика отелилась сегодня корова и принесла красного бычка; коли того бычка зарезать, да вынуть сердце, да из того сердца взять крови, да тою кровью помазать молодых – они в ту ж минуту оживут и будут здоровы и невредимы“ (Афанасьев III: 69 [сказка № 355]).

⁴ См. Афанасьев I: 393 (сказка № 170), 630.

Возвращаясь к проблематике лингвистического анализа кашубского материала, необходимо обратить внимание на двусмысленность определения морфологического статуса составляющих синтагмы *pjic kobělim donotę*, т.е. по мнению польских диалектологов кашуб. *gnotę*, *donotę*, *worczeke* должны изъясняться как рефлексии instr. sg. masc. (за выраженное мнение автор статьи благодарит проф. Ельзбету Вроцлавску [Elzbieta Wrocławska], др. Марию Токаж [Maria Tokarz – Zakład Dialektologii Polskiej IJP PAN]), т.е. пол. *gnat* «кость; кусок дерева; жемчужина и др.» (SJP I: 856), *donot* »?«, *orczyk* «валек; часть невода» (SJP III: 823 [имея ввиду фонетические изменения, присущие кашубскому языку: (1) протетический (т.е. вторичный) *w*-; (2) праслав. **i* > **i* > *ë* (см. Dejna 1973: 236, 238)]).

К сожалению, выше упомянутые исследователи не обратили внимания не только на (1) весьма важный момент анализируемого фольклорного отрывка, т.е. присутствия двух композиционных синтагм (I) *Dame mē ci pjic – psim gnotę / Kobělim donotę* ↔ (II) *Worczeke wěgrzebojce*, составные которых имеют разные сказуемые (*Dame* ↔ *wěgrzebojce*), которые имплицитно управляют разными падежами – и творительного, и винительного, ср. гл. пол. *dać* «дать» acc./instr. (SJP I: 420), гл. пол. *wygrzebać* «выкопать, вытащить, обнаружить и др.» acc./instr. (SJP VII: 871–872), т.е. сказуемое *Dame* имена существительные *gnotę* (о нём см. дальше), *donotę* управляет в форме винительного падежа, т.е. «дадим **что**» (имея ввиду то важное обстоятельство, что окончание имён существительных женского рода кашубского языка наряду с окончанием *-a* имеет и форму с флексивным *-ę*), а сказуемое *wěgrzebojce* с именем существительным *worczeke* согласовано в творительном падеже, т.е. «выкапывайте (яму) **чем**». По этой причине утверждение об идентичности морфологического статуса всех трех имен существительных, видимо, является ошибочным. Основываясь на выше приведенном анализе вербальных форм, необходимо обратить внимание на перевод отрывка, представленного А. Гурой (см. выше), т.е. «<...> *клячом невода (orczykiem?) выгребайте*», который, по всей видимости, нуждается в корректировке по причине отсутствия семантического согласования с первой частью предложения, в которой уже упоминается результат ловли коршуна (т.е. повторение этого процесса при указанном результате действия кажется алогичным). Дело в том, что яму для захоронения головы коршуна кашубы выкапывали посредством валька (см. выше), т.е. частью лошадиной сбруи, которой, по всей вероятности, приписывалась функция оберега, так как имела прямое отношение с сакральным референтом (т.е. лошадью [см. выше]); но и на (2) неопределенный морфологический и семантический статус пол. диал. *donot*, представленного в лексикографическом своде Яна Карвовича (Karłowicz I: 349) посредством вопросительного знака, т.е. синтагма кашуб. *pjic kobělim donotę* создателю словаря польской диалектной лексики была полностью неясна. По этой причине, форма пол. диал. *donot* не является более аутентичной, чем пол. диал. *donota*. Анализируя проблему флексивной соотносённости с грамматическим родом выше указанных *gnotę*, *donotę*, необходимо обратить внимание на методику представления лексем в словаре Я. Карвовича – кашубская форма *gnotę*, указанная в работе О. Колберга (см. выше), преобразована придерживаясь принципов транскрипции исторической, а не фонетической, т.е. им представленная как пол. диал. *gnátę*, имея в виду переход кашуб. *ā* > *ǎ* > *o* (ср. Dejna 1973: 239). Основываясь на принципах синхронного анализа, а не методике конца XIX в., можно выдвинуть две гипотезы

по интерпретации пол. диал. *gnote*: а) слово, соотносимо с пол. *gnat* «кость и др.» g.masc. (см. выше), рефлектирует вторичную форму женского рода (acc.sg.) из-за действия аналогии с *donote*, т.е. оно представляет нестандартное морфологическое преобразование, которые очень часты в произведениях поэтического характера (подробнее см. Камынина 1999: 76–78; Максимов 1975: 154); б) слово является преобразованием пол. *gnój* «помёт, гной, жижа» (SJP I: 860) по той причине, что для некоторых западнославянских языков присуще изменение консонантной основы имени существительного на суффикс *-ota*, ср. в.луж. *hódnota* «ценность и др.» (см. Trofimowić 1974: 54) ↔ пол. *godność* «т.ж.» **fem.** (SJP I: 862), в.луж. *hustota* «густота, частота» (см. Trofimowić 1974: 61) ↔ пол. *gąszcz* «т.ж.» **masc.** / пол. *gęstwa* «т.ж.» **fem.** (SJP I: 813) и др. По этой причине нет никаких препятствий для интерпретации кашуб. *donote* как формы женского рода винительного падежа от кашуб. *donota*.

Основываясь на данном анализе, перевод А. Гуры после корректировки можно представить в новом свете:

*Несчастный коршун, как же ты кричал, когда в лесу на дереве сидел?
А мы домой коршуна гнали и тебя, коршун, поймали. „Пить, пить!“
Дадим же мы тебе пить – собачьих мослов, кобыльего молока,
вальком выкапывайте. Вот чего, люди, ожидайте, а ко мне ближе не
подступайте.*

Основываясь на возможном референтном соотношении прагматичного значения, выражаемого глаголом кашуб. *pić* «пить», и десигнатов *kobělim* «кобылье», *donote*?» (acc.sg.), можно с осторожностью выдвинуть предположение, что кашуб. *donota* является сигнификатным элементом референта «питьё», который, видимо, рефлектирует такую череду структурных изменений: кашуб. *donota* *»молоко« < **do-j(i/e)-n-ota*⁵ «т.ж.» (с суфф. *-ota*, ср. с пол. *wilg-ota* «умеренная сырость, влажность» [Linde VI 235], пол. *mokr-ota* «влажность» [Linde III: 135]) < им. прилаг. зап. сл. **doj(b)ny* «дойный» (< им. сущ. зап. сл. **doja* «доение, дойка» [< им. сущ. прасл. **doja* «т.ж.» < гл. прасл. **dojiti* «доить, кормить грудью» (ЭССЯ V 53–54, 57)] → чеш. *důje* «т.ж.» [ЭССЯ V 52]) → др. пол. *dojny* «дойный» (1452 г.), пол. *dojny* «(арх.) священный с доением; дойный» (ЭССЯ V 56).

Данная реконструкция является довольно веским аргументом для пересмотра этимологии прусс. *dadān* «молоко» E 687 (ещё ср. прусс. *ructandadan* «протокаваша» E 690 – о нём подробнее см. PEŽ I 171, IV 33) в пользу присутствия ещё одного возможного заимствования из западнославянской ареальной зоны в прусском лексиконе.

До сих пор утверждается, что это слово соотносимо с др. инд. *dādhi* (neutr.), *dadh(ā)n-* «простокваша, сыворотка», алб. *djathë* «сыр» (< праалб. **dedi-* [с уменьшит. суфф. *-thë*]) (см. IEW 242; PEŽ I: 171; ПЯ I: 284; Барроу 1976: 25; Orel 1998: 67). К сожалению, с такой точкой зрения трудно согласиться не только по причине несоответствия морфологического строя данных лексем (ранее на этот факт обратил внимание В. Мажюлис [PEŽ I: 172]⁶), но и из-за семантического различия – прусс.

⁵ Развитие структурного элемента *(-)j(b)- (т.е. вокализация) в славянских языках представлено двояким преобразованием: (1) *-i-*, ср. праслав. **jьgola* > пол. *igła* «игла» (см. Dejna 1973: 142); (2) *-e-*, ср. праслав. **dojьsь* > булг. *doéc* «сосок», словак. *dojes* «доильщик» (ЭССЯ V: 55; ещё см. Dejna 1973: 238; Lunt 2001: 36).

⁶ Новый этимологический разбор др. инд. *dādhi*, в котором высказано сомнение о присутствии генетической связи между этой лексической единицей и прусс. *dadān*, подробнее см. Kregždys 2012.

dadan «молоко» не рефлектирует семем «простокваша» или «продукт из кислого молока» (!!!), так как они присущи уже указанному композиту типа *karmadhāraya* прусс. *ructan-dadan* (т.е. прусс. **rūgtan* «кислый» + прусс. *dadan* «молоко» [PEŽ IV: 33]).

По этой причине, наряду с уже существующими гипотезами, касающихся происхождения данного слова (см. ПЯ I: 284-286), можно выдвинуть предположение, что оно рефлектирует лексическое заимствование из западнославянского ареала, т.е. им. сущ. запад. сл. **doja* «удой, молоко» (<им. сущ. праслав. **doja* «т.ж.») → им. сущ. прусс. **dojā* «т.ж.» > им. сущ. прусс. **dogā* (с переходом *i* > -*g*- [не графический, а фонетический вариант (!!!)], ср. др. лит. *gėras* SD ↔ лит. диал. *jėras* ↔ лит. *ėras* «ягнёнок»; лит. диал. *gėrubė* ↔ лит. *jerubė* «рябчик»; лит. диал. *šlāges* ↔ лит. *šlājės* «дровни»; лит. диал. *žlėgà* ↔ лит. *žlėjà* «сумерки» [см. Brückner 1877: 50]) > им. сущ. прусс. **dodā* (с переходом -*g*- в -*d*- по принципу консонантного сингармонизма, ср. лит. *būgnas* ↔ лит. диал. *būbnas* «барабан» [Brückner 1877: 58]) (→ гидроним прусс. *Dodo* 1450 [приток реки Деймяна] 97 фолиант Ордена стр. 214^v [Gerullis 1922: 29] с флективным -*o*, возможно, из-за контаминации с пол. *mleko* «молоко» [< зап. сл. **melko* «т.ж.» – см. Brückner 1957: 340] ↔ кашуб. *młoko* «т.ж.» [см. LE XI: 150]) (присутствие генетической связи между прусс. *dadan* и ст. слав. *донити довь* «кормить грудью, сосать» раньше указал Георг Несселман (Nesselmann 1873: 25)).

Стечением времени заимствование, видимо, подверглось фонотактическим изменениям, поэтому им. сущ. прусс. **dodā* → прусс. *dadan* (neutr.) (→ гидроним прусс. *Dadagen* 1350 [оз. ЭАФ № I 121^r], *Dadey* 1365 [25 документ из 72 ящика – Gerullis 1922: 25]).

Правда, можно представить совсем другое объяснение происхождения топонима прусс. *Dadagen*, совершенно отличное от принятого объяснения (см. Gerullis т.ж.), поскольку редуцированные структурные элементы часто соотносятся с несколькими типами преобразований. Георг Геруллис (Gerullis 1922: 14, 18) указал, что такие фонотактические соединения могут быть причиной появления изменений консонантных элементов – в месте губного произносится звонкий согласный звук, ср. топоним прусс. *Babaten* 1374 ↔ гидроним прусс. *Bawand* 1283, т.е. топоним прусс. *Dadagen* может быть соотносим и с прусс. **Dabajan* (с переходом *d...b* в *d...d*) ← **Debijan* ← прусс. *debi-* «большой» + суфф. **-jā* (с изменением *e...i...a* > *e...a...a* > *a...a...a*), ср. прусс. *debica* «большой» GrA 20, GrG 48, GrF 40 (см. PEŽ I: 184) ↔ гидроним лит. *Dābikinė* (Vanagas 1981: 78), и с прусс. **Dagajā* < прусс. *dagis* «лето» E 13 (PEŽ I: 172) ~ гидроним (? идентичной семантической коннотации) лит. *Vaseriškė* (кстати, по этой причине его следовало бы соотносить не с *nomina propria* лит. *Vāseris/Vasėris* [Bilkis 2008: 80] [< лит. *vasėris* «февраль» (LEW 1206; PEŽ I 173-174)], а с лит. диал. [жемайтов] *vasėris* «лето» [Skardžius I: 303] [< балт. **vaserā* «весна – лето» (PEŽ I 173)] – в таком случаи была бы понятна семантическая мотивация гидронима, т.е. *«в весеннее время наполняющийся водоём», а не антропоним, рефлектирующий коннотатив «февраля»⁷).

Мало вероятно, но возможно, что прусс. *dadan* (с закономерным изменением слав. -*o*- в -*a*- в Эльбингском словаре [!!!]; подробнее см. Levin 1974: 26, 29) отражает

⁷ В противном случае автор гипотезы апеллятивного происхождения гидронима должен сослаться на данные земельного регистра, что какому-то *Vaseris* мог принадлежать тот или иной земельный участок, в котором находилось болото *Vaseriškė*. Таких данных Билькис не приводит.

фонетический облик заимствования, так как на территории проживания западнославянских племён (возможно, и кашубов) могла быть употребляема форма им. сущ. зап. слав. (диал.) **doda* «молоко» (← I. **do-ta* »т.ж.« [рефлексия прогрессивной ассимиляции]⁸ < **do-no-ta* »т.ж.«; II. **do-da* »т.ж.« [с переходом -j- > -d- (см. выше)] < **doja* »доение, дойка« < им. сущ. прасл. **doja* »т.ж.« < гл. прасл. **dojiti* »доить, кормить грудью« [см. выше]). Делать такое предположение можно, основываясь на весьма интересном лингвистическом материале, представленном в труде Д. Н. Егорова, посвящённого проблеме проживания и ассимиляции западнославянских племён на территории Германии. Один из приводимых топонимов западнославянского происхождения, возможно, является генетически тождественен прусс. *dadān*. Это название деревни *Dadowe /Dodow/*, которое как церковное владение, упоминается в десятинном списке Ратцебургской епархии (§ 216 [*Dadowe per omnia cum censu et decima. et cum omni iudicio colli et manus est episcopi*]; § 448 [1236 г.], а как место выставления епископской грамоты – в сборнике исторических актов Мекленбурга [MUB № 483 (1238 г.), № 501 (1239 г.)] – подробнее см. Егоровъ 1915: 255). Сомневаться в аутентичности данной формы (т.е. в присутствии возможных графических изменений) не приходится, так как она не варьирует в разных источниках, что присуще другим топонимам, ср. топонимы *Sassenhof* ↔ *Dassenhof*, *Zibberose* ↔ *Libberose* и др. (подробнее см. Егоровъ 1914: 494–503).

Статус заимствования прусс. *dadān* «молоко» (ср. особенности фонетических изменений гибридного заимствования из славянских языков лит. *mėsa* «мясо» [подробнее см. Kregždys 2010: 124, 133]) можно аргументировать и выводами, полученными в результате анализа прусских топонимов и гидронимов (Сямбы и территории памедян – см. дальше), определяющих реконструкцию совсем другой, унаследованной формы названия «молока», т.е. прусс. **peinan*, хотя до сих пор принято утверждать, что «Прусс. *dadān* как основное обозначение молока противостоит как вост.-балт., так и слав. словам [...]» (ПЯ I 284).

Начиная короткий обзор омонимов с корнем прусс. **pein-*, необходимо перечислить некоторые закономерности фонологических изменений прусских диалектов, возможно повлиявших на появление структурных изменений генетически тождественных топонимов и гидронимов: 1) для восточного диалекта Сямбы присущ переход *ē* в *ī* (с XIII в. в Велува; позднее это фонетическое изменение распространилось на всю восточную территорию Сямбы) (Kuzavinis 1964: 18); 2) *ī* в катехизисах может быть передаваем посредством череды графем *i, ī, ei, ey*, на основании которой реконструируется дифтонгоид **eī* (Mažiulis 2004: 16). Значит, унаследованный дифтонг балт. *eī* может передаваться и через *ē* из-за дефонологизации гласных того же самого ряда *ī* и *ē*, т.е. определяет реконструкцию конвергентного процесса между *-ē-* и *-ei-*. Это могло отразиться и на графической передаче топонимов (ср. идентичные фонетические изменения, присущие для диалектов немецкого языка Восточной Пруссии [Ziesemer 1924: 114]): прусс. *Penen* 1423 (162 фолиант Ордена стр. 100^v – Gerullis 1922: 119 [Фридланд, сейчас Правдинск – ареал диалекта Сямбы]) < прусс. **Peinai* (ср. Przybytek 1993: 209 – Розалия Пшибытек приводит три пути по происхождению данного топонима) (ср. топоним лит.

⁸ Ср. пол. *bogdan* «кавалер, любимец и др.» (SJP I: 182) > пол. диал. *bohdan* »т.ж.« (ассимиляция по степени фриктивности – подробнее см. Gussmann 2007: 85).

Pieniai [LATŽ 241] ← лит. *piėnis* »[бот.] растение из семьи сложноцветных [*Sonchus*]; [бот.] стригущий одуванчик [*Taraxacum officinale*]; неспелый орех с водянистым ядром; [бот.] гриб из семьи пластинниковых [*Agaricus lactifluus*]» [LKŽe]; ещё ср. топоним лтш. *Piene*⁹ [Vanagas 1981: 256]) ← прусс. **peinan* »молоко«, рефлектируемый онимами прусс. *Pen-e-kayme* 1419 (ФГАК 26 стр. 26 [Фридланд – ареал диалекта Сямбы) – см. Blažienė 2005: 138-139) и др.; прусс. *Rynouwe* 1285 (26 документ из 16 ящика – Швянтапиле (*Heiligenbeil*) – ареал диалекта Сямбы) (Gerullis 1922: 123), *Rynn-ow* 1437/38 (131 фолиант Ордена стр. 181) и др. (Blažienė 2005: 145-146), ср. гидронимы лтш. *Piėn-ava* р. (ср. Vanagas 1981: 256). Возможно, что рефлекс прусс. **peinan* »молоко« присутствуют и в диалектной зоне памедян, ср. топоним прусс. *Paunen* 1423 (162 фолиант Ордена стр. 71^r – окрестности Эльбинга) (Blažienė 2005: 313) (графическая передача *-au-* вместо *-ei-*, видимо, predeterminedена процессом аналогии, так как в нижненемецком Пруссии *ai* переходит в *ei* [Ziesemer 1924: 122]; таким образом могло передаваться фонологическое качество нисходящей интонации прусс. **-ei-*, анализ графической передачи которой до сих пор не проведён [см. Mažiulis 2004: 14], т.е. *Xx > Yx* (немец. диал.), а *xX > yX* [прусс. диал.] ↔ топоним прусс. *Peilen* 1267 (91 фолиант Ордена стр. 173 – окрестности Эльбинга) и др. (Gerullis 1922: 118; Blažienė 2005: 313) < ? **Pei-na-len* (с абсорбцией суффа. *-na-* [о таких изменениях подробнее см. Крегждис 2009: 281; Kregždys 2009: 119], т.е. балт. **pėi-/pī-* »изобиловать, быть полным« + **-na-* [PEŽ I: 172; IEW 793-794]) ~ лтш. *piėneles* »(бот.) осот« (ME III: 275) ← лтш. *piėnes* »(бот.) осот; молоки (рыбы)« (ME III: 276). Грасильда Блажене (Blažienė 2005: 139, 145, 313), основываясь на анализе этих топонимов, проделанном Г. Геруллисом, утверждает, что они являются антропонимными апеллятивами. Тут уместно представить другое предположение по их происхождению, основываясь на котором, можно реконструировать архисемему »молоко«, рефлектируемую возможно генетически идентичными восточно-балтийскими онимами – гидронимами (с присутствием мотивированной ассоциативной череды изменения референта: »жидкость [молоко]« [↔ »вода] → »водоём«) и топонимами (с мотивированной чередой апеллятивного плана: *гидроним* → *топоним*; *гидронимная коннотация* → *топоним*): лит. *Pienaujā, Pieniā, Piėnė, Pien-(i)urys, Pien-upis*, лтш. *Piėna-kule, Pienapurvs, Piėna pļava, Piena-sils* и др. (см. Vanagas 1970: 98, 1981, 256; LEW 585). К тому же, соотношение топонима прусс. *Peilen* 1267 с прусс. *peile* »нож« (Gerullis 1922: 118; Blažienė 2005: 313), фиксируемым лишь в словаре Симана Грунау (GrA 27, GrF 18, GrC, GrG 62 – PEŽ III: 242), вызывает большие сомнения из-за отсутствия семантической мотивации, поскольку и Г. Геруллис, и Г. Блажене для аргументации такой гипотезы приводят восточно-балтийские соответствия *nomina propria* лит. *Peilis*, лтш. *Peilis, Peilītis* и топоним лит. *Peiliškiai* (последний, видимо, апеллятив [Blažienė ibd.]), т.е. когноминальные собственными имена с пейоративной семантической окраской, ср. *nomem proprium* лит. *Peilis* »грубый, злой человек« (Butkus 1995: 337), являющиеся инновационными лексемами восточных балтийцев, ни один из которых не засвидетельствован в языке пруссов.

Балт. **peinan* »молоко« (> прусс. **peinan* »т.е.«), видимо, является праформой некоторых ойконимов Малой Литвы, объяснение происхождения которых вызы-

⁹ В академическом своде латышских онимов этот топоним почему-то не приводится (см. LVV 367).

вает большие сомнения, ср. топоним Peiaulischken 1564 < **piaul-* (~ *nomen proprium* лит. *Piaūlis Lž*) (Deltuvienė 2006: 182) (с унаследованным [т.е. неизменённым] *ei*, характерным для производных в говоре западных жемайтов [см. Zinkevičius 1966: 90]), т.е. **Pei-n-au-j-išk-* (ср. гидроним лит. *Pienaujà*) (с абсорбцией *-n-* и переходом *-j-* в *-l-* из-за сингармонизма согласных, т.е. *n...j* [зубной звонкий ... нёбный звонкий] > *n...l* [зубной звонкий ... зубной звонкий]) – похожее изменение, видимо, отражает и гидроним лит. *Kuleliškės* ~ гидроним лит. *Kūlevas* »река в районе Швекшны« (Skardžius I: 389) < лит. диал. *kūliavà*¹⁰ »порог реки« (Vanagas 1970: 104), хотя Лаймутис Билькис (Bilkis 2008: 66) приводит другое объяснение по его этимологии, т.е. соотносит его с им. сущ. лит. *kulėlis* (хотя такая форма отсутствует в LKŽ; приводится только лит. *kūlėlis* »связка соломы для покрытия краёв крыши; сноп; хворостяная вязка; связка из прутьев; тростниковая вязка, используемая во время обучения по плаванию; [бот.] волокно« [LKŽe]). Утверждение Л. Билькиса, якобы гидроним лит. *Kuleliškės* можно соотнести с лит. *kulys* »залив, мыс; изгиб, угол«, является казуистичным, поскольку не мотивирован семантически. Автор гипотезы не обратил внимания на то, что все, им приведённые, семемы являются ассоциативами референта »угол«, ср. лит. *kulys/kūlis* »край платка или носового платка; рог; залив, мыс; изгиб, извив; угол; бок, кусок« (LKŽe), т.е. вряд ли приведённая им референтная череда имеет что-то общее с гиперонимом гидронима »болотистое место«, ср. синтаксические примеры в LKŽ, на которых Л. Билькис строит своё предположение:

»залив, мыс«

Nuvesk arklius kulin prie upės, tai užuvėja ir žolės daugiau, т.е. Отведу коней на мыс к реке, там заветренное место и травы побольше;

Sausa, eisim šienaut kuliė, т.е. Сухо, пойдём косить на мыс;

An kuliė jau seniai žūsta (žvejoja), т.е. Давно уже на мысе пропадает (ловит рыбу);

Ežero kulyi (pusiasalyje) auga viksvos, т.е. На мысе озера (на полуострове) растёт осока;

Kažkur nueina kuliai (ežero užtakais), т.е. Куда-то ведёт озёрный затон;

Tas laukas nepatogus – labai didelė kulis įsikiša kito lauko, т.е. Это поле неудобно – очень большая часть другого проникает в него;

Mūsų ežeras kuliė kaip ir neturi, т.е. В нашем озере нету мысов;

»изгиб, извив«

Čia neikit – darysit didelį kulį, т.е. Сюда не ходите – будет большой обход.

Все они предопределяют восстановление семемы »место, находящееся по верху уровня воды ↔ мыс« (ещё ср. лит. диал. [жемайт.] *kūlis* »камень« [DLKŽ]). Значит, основываясь на гипотезе, выдвинутой Л. Билькисом, »болотистое место« нужно было бы изъяснять как »место, находящееся по верху уровня воды ↔ остров«, хотя оно является синонимом референта »болото« (~ лит. *pėlkė* »пропитанная водой земля, часто с торфяным слоем; [жемайт.] лужа« [DLKŽ]), ср. лит. *raistas*

¹⁰ Долгий гласный слова не обязательно должен изъясняться как рефлекс унаследованной долготы (т.е. *longitudo de natura*), поскольку такое качество могло быть предопределено вторичным удлинением (если он находился под ударением), свойственным для говоров жемайтов. То же правило применимо и к форме с кратким гласным, так как в этой диалектной зоне долгий гласный сокращался, если находился в неударной позиции (см. Zinkevičius 1966: 75, 491).

»топкое болото, обросшее кустарником и деревьями« (DLKŽ) ↔ гидроним лит. *Raistas* «болото у Каунаса» (LE XXIV: 446).

Балт. **reinan* «молоко», видимо, отражается и в морфологической структуре топонима Малой Литвы *Peiaulinischkenn* 1564 (Deltuvienė 2006: 277), которое Д. Дялтувиене возводит к **piaulyn-* < лит. *piaulas* «сгнившее дерево, бревно, пень, доска; часть сгнившего дерева; губка» (LKŽ IX: 886).

Появление западнославянского заимствования в прусском для передачи значения молока (изначально, видимо, кобыльего молока [!!!]) могло быть предопределено обрядовыми особенностями некрокульта балтийских (особенно, прусских) племён, издавна контактировавших с представителями западнославянских народностей и, по-видимому, имевших тесные культурные связи. Из-за идентичности культурных реликтовых элементов погребального обряда, связанного с питьём кобыльего молока, между западными славянами (кашубами) и пруссами, можно сделать осторожное предположение о рефлексии общеиндоевропейской традиции погребального обряда (ср. общие этнографические мотивы: шест/столб, обезглавливание жертвенного животного, питьё кобыльего молока...) (подробнее см. Kregždys 2011: 71 и т.д.).

Выводы

1) кашуб. *donota* «молоко» < **do-j(e)-n-ota* »т.ж.« < им. прилаг. зап. сл. **doj(v)nu* «дойный» > др. пол. *dojny* »т.ж.«, пол. *dojny* »(арх.) связанный с доением; дойный«;

2) 1) прусс. *dadān* – лексическое заимствование из западнославянского ареала: им. сущ. запад. сл. **doja* «удой, молоко» [< им. сущ. праслав. **doja* »т.ж.«] → им. сущ. прусс. **dojā* »т.ж.« > прусс. **dogā* [с переходом *-j-* > *-g-* (не графический, а фонетический вариант [!!!]) > прусс. **dodā* (с переходом *-g-* в *-d-* по принципу консонантного сингармонизма) > прусс. *dadān* (с изменением слав. *-o-* в прусс. (E) *-a-* и *-an* по аналогии с прусс. **reinan* «молоко»);

3) фольклорный мотив »*pjic ... Kobělim donotę*«, видимо, отражает реликт общеиндоевропейской традиции погребального обряда.

Источники и литература

Афанасьев I–III – Афанасьев А. Н. *Поэтические воззрения славян на природу: Опыт сравнительного изучения славянских преданий и верований в связи с мифическими сказаниями других родственных народов 1–3*. Москва: Современный писатель, 1995.

ПЯ I – Топоров В. Н. *Прусский язык: Словарь A–D*. Москва: Наука, 1975.

ФГАК – фолиант государственного архива Кёнигсберга

ЭАФ № I – епископальный архив Фрауэнбурга (пол. Frombork)

ЭССЯ I–XXXIV... – *Этимологический словарь славянских языков 1–34*, отв. ред. О. Н. Трубачёв. Москва: Наука, 1974–2008...

- BRMŠ I–IV – *Baltų religijos ir mitologijos šaltiniai*, sud. Norbertas Vėlius. Vilnius: Mokslo ir enciklopedijų leidykla (t. 1–2), Mokslo ir enciklopedijų leidybos institutas (t. 3–4), 1996–2005.
- BU. – *brhad-āranyaka upaniśād*
- DLKŽ – *Dabartinės lietuvių kalbos žodynas* (kompiuterinis variantas; vyr. redaktorius St. Keinys).
- FLR – *Friedrich Lübkers Reallexikon des klassischen Altertums*. Leipzig & Berlin: Druck und Verlag von B.G. Teubner, 1914.
- IEW – Pokorny J. *Indogermanisches etymologisches Wörterbuch* 1–2. Bern und München: A. Francke AG-Verlag, 1959–1969.
- Karłowicz I–VI – Karłowicz J. *Słownik gwar polskich* 1–6. Kraków: Drukarnia C. K. Uniwersytetu Jagiellońskiego, 1900–1911.
- Kempiński A. M. 2003. *Ilustrowany leksykon mitologii wikingów*. Poznań: KURPISZ.
- LATŽ – *Lietuvos TSR administracinio-teritorinio suskirstymo žinynas* 2. Vilnius: Mintis, 1976.
- LE I–XXXVII – *Lietuvių enciklopedija* 1–37. Bostonas: Lietuvių enciklopedijos leidykla, 1953–1985.
- LEW – Fraenkel E. *Litauisches etymologisches Wörterbuch* 1–2. Heidelberg: Vandenhoeck & Ruprecht, 1962–1965.
- Linde I–VI – Linde M. S. B. *Słownik języka polskiego* 1–6. Warszawa: w Drukarni Xieży Piiarów, 1807–1814.
- LKŽe – *Lietuvių kalbos žodynas*. Vilnius: Lietuvių kalbos institutas (t. 1–20, 1941–2002) – www.lkz.lt.
- LTE I–XIII – *Lietuviškoji tarybinė enciklopedija* 1–13. Vilnius: Mokslo, 1976–1985.
- LVV – *Latvijas vietvārdu vārdnīca (Paaglis – Piķu-)*. Rīga: LU Latviešu valodas institūts, 2003.
- ME I–IV – Mülenbachs K. *Latviešu valodas vārdnīca* 1–4, red. Jānis Endzelīns. Rīga: Izglītības ministrija (sj. 1); Kultūras fonds (sj. 2–4), 1923–1932.
- MUB – *Mecklenburgisches Urkundenbuch* (1–21) herausgegeben von dem verein für Mecklenburgische Geschichte und Alterthumskunde. Schwerin: in Commission der Stillerschen Hofbuchhandlung, 1863–1903.
- PEŽ I–IV – Mažiulis V. *Prūsų kalbos etimologijos žodynas* (1–4), Mokslo, Vilnius 1988–1997.
- RV. – *ṚgvedaSamhitā*
- SJP I–VIII – Karłowicz J., Kryński A. A., Niedźwiedzki W. (red.) *Słownik języka polskiego* 1–8. Warszawa: W Drukarni E. Lubowskiego i S-ki ... Instytut popierania nauki, 1900–1927.
- Skardžius I–V – Skardžius P. *Rinktiniai raštai* 1–5, par. Albertas Rosinas. Vilnius: Mokslo ir enciklopedijų leidykla, 1996–1999.
- SRP I–V – *Scriptores rerum Prussicarum: Die Geschichtsquellen der Preussischen Vorzeit bis zum Untergange der Ordensherrschaft* 1–5, hrsg. von Theodor Hirsch, Max Töppen und Ernst Strehle. Leipzig: Verlag von S. Hirzel, 1861–1874.
- Барроу Т. 1976. *Санскрит*. Москва: Прогресс.
- Гура А. В. 1997. *Символика животных в славянской народной традиции*. Москва: Индрик.
- Егоровъ Д. Н. 1914. *Славяно-германскія отношенія въ средніе вѣка. Колонизація Мекленбурга въ XIII в. (т. I. Матеріаль и методъ)*. Москва: Московская художественная печатня.

- Егоровъ Д. Н. 1915. *Славяно-германскія отношенія въ средніе вѣка. Колонизація Мекленбурга въ XIII в. (т. II. Процессъ колонизаціи)*. Москва: Московская художественная печатня.
- Иванов Вяч. Вс. 1989. Ритуальное сожжение конского черепа и колеса в Полесье и его индоевропейские параллели. *Славянский и балканский фольклор*. Москва: Наука, 79–87.
- Иванов Вяч. Вс. 1990. Реконструкция структуры символики и семантики индоевропейского погребального обряда. *Исследования в области балто-славянской духовной культуры. Погребальный обряд*. Москва: Наука, 5–11.
- Камынина А. А. 1999. *Современный русский язык*. Морфология. Москва: Изд-во МГУ.
- Крегждис Р. 2009. Прусс. *Surche*: этимология теонима, функции божества; проблематика установления культовых соответствий на почве обрядовой традиции восточно-балтийских, славянских и других индоевропейских народов. *Studia Mythologica Slavica* 12, 249–320.
- Максимов В. И. 1975. *Суффиксальное словообразование имен существительных в русском языке*. Ленинград: Издательство Ленинградского университета.
- Плетнёва С. А. 1978. Животный мир в русских волшебных сказках. *Древняя Русь и славяне*. Отв. ред. Т. В. Николаева. Москва: Наука, 388–397.
- Тахо-Годи А. А., Лосев А. Ф. 1999. *Греческая культура в мифах, символах и терминах*. Санкт-Петербург: Алетейя.
- Тодд М. 2005. *Варвары. Древние германцы. Быт, религия, культура*. Москва: ЗАО Центрполиграф.
- Топоров В. Н. 1990. Конные состязания на похоронах. *Исследования в области балто-славянской духовной культуры. Погребальный обряд*. Москва Наука, 12–47.
- Топоров В. Н. 2000. Из индоевропейской этимологии. VI (1–2). *Этимология* 1997–1999, 172–185.
- Bilkis L. 2008. *Lietuvių helonimų daryba. Priesaginiai ir priesagėtieji helonimai*. Vilnius: Lietuvių kalbos institutas.
- Blažienė G. 2005. *Baltische Ortsnamen in Ostpreußen*. Stuttgart: Franz Steiner Verlag.
- Boryś W., Popowska-Taborska H. 1997. *Słownik etymologiczny kaszubszczyzny II (D–J)*. Warszawa: Slawistyczny Ośrodek Wydawniczy.
- Bosworth J. 1859. *King Alfred«s Anglo-Saxon version of the Compedious History of the World*. London: Longman, Brown, Green, and Longmans.
- Bosworth J. [Hampson] 1859. An essay on the Geography of King Alfred the Great, taken from his A. S. Version of Orosius: containing Alfred«s description of Europe in the 9th century, and his account of the voyages of Ohthere and Wulfstan into the White and Baltic seas. Joseph Bosworth. *King Alfred«s Anglo-Saxon version of the Compedious History of the World*. London: Longman, Brown, Green, and Longmans; 199–253 [1–63].
- Brückner A. 1877. *Litu-Slavische Studien* 1. Teil: die slavischen Fremdwörter im Litauischen. Weimar: Hermann Böhlau.
- Brückner A. 1957. *Słownik etymologiczny języka polskiego*. Warszawa: Wiedza powszechna.
- Butkus A. 1995. *Lietuvių pravardės*. Kaunas: Æsti.

- Dejna K. 1973. *Dialekty polskie*. Wrocław & Gdańsk: Drukarnia naukowa.
- Deltuvienė D. 2006. *Baltiški Mažosios Lietuvos XIV–XVIII a. oikonomimai*. Vilnius: Vilniaus universiteto leidykla.
- Dundulienė P. 1963. *Žemdirbystė Lietuvoje*. Lietuvos TSR aukštųjų mokyklų mokslo darbai. Istorija V. Vilnius: Valstybinė politinės ir mokslinės literatūros leidykla.
- Frazer J. G. 1925. *The Golden Bough. A Study in Magic and Religion*. New York: The MacMillan Company.
- Gerullis G. 1922. *Die altpreussischen Orstnamen*. Berlin und Leipzig: Vereinigung wissenschaftlicher Verleger.
- Ghirshman R. 1964. *The Arts of Ancient Iran*. New York.
- Gussmann E. 2007. *The Phonology of Polish*. New York: Oxford University Press Inc.
- Kempiński A. M. 2003. *Ilustrowany leksykon mitologii wikingów*. Poznań: KURPISZ.
- Kolberg O. 1965. *Dzieła wszystkie. Pomorze*. T. 39. Z rękopisów opracowali J. Kądziołka, D. Pawlakowa redakcja tekstów gwarowych..., Z. Zagórski, redaktor J. Burszta, Wrocław & Poznań: Wydawnictwo P.W.M.
- Kregždys R. 2009. Ide. suff. *-ko- semantinė sklaida baltų kalbose. *Res humanitariae* 6, 112–132.
- Kregždys R. 2010. *Baltų kalbų leksinės semantinės gretybės (paveldėtieji ō/ā kamienų kūno dalių pavadinimai)*. Vilnius: Lietuvos kultūros tyrimų institutas.
- Kregždys R. 2010a. M. Strykowski veikalas *Kronika Polska, Litewska, Żmódzka i wszystkiej Rusi teonimais: Chaurirari*. *Acta Linguistica Lithuanica* 62–63, 50–81.
- Kregždys R. 2011. *Baltų metempsichozė: velionio išlydėjimo papročio, aprašyto P. Orozijaus kronikos Wulfstano intarpe ir Šėduvių knygelėje, verifikavimo klausimu*. *Res humanitariae* 10, 71–107.
- Kregždys R. 2012. *Baltų mitologemų etimologijos žodynas I: Kristburgo sutartis*. Vilnius: Lietuvos kultūros tyrimų institutas (forthcoming).
- Kuzavinis K. 1964. *Prūsų kalba*. Vilnius: Vilniaus valstybinis pedagoginis institutas.
- Levin J. F. 1974. *The Slavic element in the Old Prussian Elbing Vocabulary*. Berkeley & London: California University Press.
- Lunt H. G. 2001. *Old church Slavonic grammar*. Berlin & New York: Mouton de Gruyter.
- MacDonell A. A. 1897. *Vedic mythology*. Strassburg: Verlag von Karl J. Trübner.
- Mažiulis V. 2004. *Prūsų kalbos istorinė gramatika*. Vilnius: Vilniaus universiteto leidykla.
- Nesselmann G. H. F. 1873. *Thesaurus linguae Prussicae*. Berlin: Ferd. Dümmlers Verlagsbuchhandlung.
- Orel V. 1998. *Albanian Etymological Dictionary*. Leiden & Köln: Brill.
- Przybytek R. 1993. *Orstnamen baltischer Herkunft im südlichen Teil Ostpreußens*. Stuttgart: Franz Steiner Verlag.
- Sychta B. 1967. *Słownik gwar kaszubskich na tle kultury ludowej* 1. Wrocław & Gdańsk: Ossolineum.
- Trofimovič K. K. 1974. *Hornjoserbsko-ruski słownik*. Budyšin: Ludowe nakładnistwo Domowina; Moskwa: „Ruska řeč“.
- Vanagas A. 1970. *Lietuvos TSR hidronimų daryba*. Vilnius: Mintis.
- Vanagas A. 1981. *Lietuvių hidronimų etimologinis žodynas*. Vilnius: Mokslas.
- Vėlius N. 1977. *Mitinės lietuvių sakmių būtybės*. Vilnius: Vaga.
- Ziesemer W. 1924. *Die ostpreussischen Mundarten*. Königsberg: Ferdinand Hirt in Breslau.
- Zinkevičius Z. 1966. *Lietuvių dialektologija*. Vilnius: Mintis.

**The data to reconstruction of the Baltic-Slavic funeral ceremony:
Kashubian *donota* »milk« (Baltic and Slavic lexical equivalents)**

Rolandas Kregždys

The article investigates the Kashubian rite of the beheaded kite and the Prussian departed dead-office description presented in P. Orosius *Historiae adversum paganos* relation of Wulfstan. Also the work presents an etymological analysis of the Kashubian *donota* »milk« and its possible Baltic and Slavic lexical equivalents: Pruss. *dadān* »milk«, toponym West Slav. *Dadowe*.

In the light of the evidence adduced, the following conclusions are submitted:

1) kashub. *donota* »milk« < **do-j(e)-n-ota* »ditto« < adj. West Slavic **doj(b)ny* »milch« > (archaic) Pol. *dojny* »ditto«, Pol. *dojny* »(archaic) in milk; milch«;

2) Pruss. *dadān* is a loanword from West Slavic: subst. West Slav. **doja* »milk« [*< subst. Proto-Slav. *doja* »ditto«] → subst. Pruss. **dojā* »ditto« > Pruss. **dogā* [with a shift of -*j*- to -*g*- (non graphic, but phonetic variation!)] > Pruss. **dodā* (with a shift of -*g*- to -*d*- according to the rule of consonantal synharmonism) > Pruss. *dadān* (with a shift of Slav. -*o*- to Pruss. (E) -*a*- and -*an* by the analogy of Pruss. **peinan* »milk«);

3) folklore motive »*pjic ... Kobėlim donotę*« reflects the common dead-office tradition of the Indo-European peoples;

4) The Kashubian rite of the beheaded kite and the Prussian departed dead-office description presented in P. Orosius *Historiae adversum paganos* relation of Wulfstan reflects authentic information on the very early Baltic and Slavic culture period, and also presupposes tendencies of a common necrocult and the existence of an unified Indo-European exequies tradition.